

В Холисе царил освежающая уютная атмосфера. Это было такое место, где все, казалось, знали друг друга, а новости распространялись мгновенно. Торговцы в торговом квартале добродушно подтрунивали друг над другом, а от запаха выпечки и жарящегося мяса у меня заурчало в животе. Поскольку квартал был очень большим, нас почти сразу же объявили спасителями сына герцога и устроили что-то вроде геройского приема: в нашу сторону было направлено поистине неумеренное количество еды, а мы с Сефуром получили столько коллективных приветственных шлепков по спине, что у нас образовалась грыжа диска.

Майя постоянно поворачивалась, пока шла по городу, пытаясь охватить все достопримечательности, останавливалась у каждого торговца и осматривала каждый прилавок.

Она наклонилась ко мне, чтобы прошептать. — Они просто отдают вещи.

— Чтобы ты вернулась и купила больше.

Майя приложила руку к маске на месте рта. — О. Они не знают, что мы завтра уезжаем.

— То, чего они не знают, не может им повредить, — подмигнул я ей. Пожилая женщина протянула мне шишковатую руку, когда мы проходили мимо. Я машинально принял протянутый предмет и посмотрел вниз, потрясенный своей удачей. В моей ладони лежал засахаренный абрикос, гарнированный соленым орехом пекан. Я оглянулся в поисках женщины, но она уже исчезла в толпе.

Я надкусил его и чуть не подавился совершенством. Это была идеальная смесь сахара и меда с легким привкусом тимьяна.

— Эльфион возьми меня, это хорошо.

— Что это? — спросила Майя.

— Ты когда-нибудь пробовала засахаренные фрукты?

— Не думаю.

— Позвольте представить вам вершину человеческой разработки и достижений. — Я протянул ей вторую половину.

— Это? — с сомнением сказала Майя, поднося его к своей маске и осматривая.

— Поверь мне. — Я усмехнулся.

Майя приподняла нижний край маски одной забинтованной рукой, стараясь не показать лицо, и откусила кусочек фрукта. Она отпрянула назад. — Сладко. — Она откусила еще немного. — Очень сладкий. — Затем она съела весь фрукт, соленый орех и все остальное. Наступила временная пауза. — Мой язык растерян.

— Вот откуда ты знаешь, что это вкусно.

— У тебя странные пристрастия.

— Эй, любой изысканный вкус можно приобрести, если очень постараться.

— Если ты живешь такими мыслями, я боюсь за твой желудок.

Мы поболтали некоторое время. Честно говоря, это было облегчение — снова нормально разговаривать с ней. Она не то, чтобы обходила меня стороной, но была тихой и замкнутой. Я боялся, что это навсегда. В конце концов мы наткнулись на кузнеца, который оказался единственным кузнецом в городе. Сефур распахнул дверь. Изнутри зазвенел маленький колокольчик.

— Пойдемте, дети, выберем игрушки.

Я растерянно огляделся вокруг. Стыдно признаться, но все мечи, которые я носил до этого момента, ставили эстетику выше функции. Не в безумной степени — я бы никогда не сделал такой глупости, как владение мечом, покрытым золотом, или клинком, в котором просверлены отверстия, чтобы можно было вставить драгоценные камни, — но все мои рукояти были безвкусными, изящными вещами, скорее украшением для бедер, чем настоящим оружием, мои клинки были покрыты маслом, заставляющим их сиять ярче.

Я даже не знал, какой тип клинка мне больше нравится. Моя нынешняя шпага была чем-то средним между саблей и рапирой. В подростковом возрасте я перешел на рапиру, затем на изогнутый меч, когда они вошли в моду примерно за два года до моей коронации.

Выбор у кузнеца был довольно ограниченным: поскольку он был единственным кузнецом в городе, я не сомневался, что большая часть его работы уходила на экипировку стражников.

— Есть ли у вас что-нибудь из вознесенной стали? — бездумно спросил я, проводя рукой по различным рукоятям.

— Нет, — ответил он. Мужчина сделал длинную затяжку из своей трубки и медленно выдохнул.
— В этих краях только железо и обычная сталь.

— Тебе все равно не нужна вознесенная сталь, — Сефур достал из бочонка небольшой клинок, подержал его в руках, затем положил на место и перешел к другому. — Любое преимущество в

легкости и прочности перевешивается заметностью.

— Твой друг прав, парень. — Сказал кузнец. Я весело посмотрел на него на мгновение, потом отвернулся. Возможно, он был единственным человеком в Холисе, который не знал, кто я такой.

Сефур нахмурился, подобрал несколько маленьких мечей и почти мгновенно положил их обратно. — Кузнец, нам нужно что-то готовое к бою. А не маленький меч, который предназначен для тренировок с другими детьми, использующими другие маленькие мечи.

— Похоже, у вас есть какая-то проблема, — сказал кузнец. Но его взгляд скользнул к покрытой пылью бочке, стоящей ближе всего к подсобке. Я подошел к ней, и мужчина поднялся на ноги. — Там нет ничего, что могло бы вас заинтересовать...

Но я уже успел снять крышку. Внутри было множество коротких лезвий. Они были меньше, чем большинство коротких мечей. В руках моего отца они больше были бы похожи на кинжал, чем на меч. Я вытащил один из них из ножен и недоуменно уставился на него. Это было непривлекательное оружие. Металл клинка имел темную окраску. Он почти походил на железо, если не считать маслянисто-зеленого оттенка. Двустороннее лезвие было равномерно толстым до самого кончика, где оно быстро сужалось к острию. У него была закругленная декоративная перекрестная гарда. Сферическая рукоять заканчивалась четырехгранным острием.

Я отчетливо вспомнил, как Альтен использовал его рукоять — она разбивала голову нападающему, когда тот подходил слишком близко. Это была такая маленькая модификация, но на практике она могла оказаться невероятно полезной.

Сефур издал низкий свист. — Лоухил. — Он посмотрел на кузнеца, который стоял, прислонившись к стойке, и заметно потел. — Ты занимаешься подработкой для гномов, старик? Вооружаешь врагов?

— Конечно, нет! — огрызнулся кузнец, затем откинулся назад, брови его сошлись так сильно, что на лбу появилось полдюжины вертикальных морщин. — Эльфион возьми меня, вот почему я не выставил их на всеобщее обозрение.

— Это гномье? — спросил я Сефура, не понимая, почему это должно иметь значение. Сефур взял у меня клинок и взвесил его, затем сделал несколько размеренных взмахов.

— Не... точно.

Я держал в руках несколько гномьих клинков из Лоухила. Боевые трофеи. Вес этого немного не тот, но он очень близок. Лоухил — отличный металл. Он не очень красив, поэтому не так популярен в человеческом оружии. Зато из него делают много кинжалов. — Казалось, он что-то обдумывает.

— На самом деле это к лучшему, — вклинился кузнец, его тон странно повысился, — гномы слишком увлечены гравировкой. Они думают, что это придает клинкам прочность, простофили. Слишком много гравировки — вот что снижает вес клинка.

Сефур не выглядел убежденным. — На доли процента, может быть. Ну, и зачем они тебе, старик?

Кузнец посмотрел вниз. — Это хобби.

— Мечи, сделанные из лоухила, почти точно по гномьим меркам — это хобби? — спросил Сефур голосом, который я начал узнавать как голос дознавателя.

— Да.

— И это только эти мечи. Конкретно эти. У вас случайно нет, скажем, эльфийских мечей, которые валяются где-то в подсобке?

— Нет. — Голова мужчины покачивалась из стороны в сторону. — Как будто я буду настолько глуп, чтобы работать с охитом. Моя кузница не нагревается достаточно сильно, и я предпочел бы, чтобы мои руки и ноги были на месте.

— Но ты был бы достаточно глуп, чтобы работать с другим типом металла. Скажем, со сталью пикси.

Кузнец фыркнул. — Сталь пикси — это миф. — Бусинка пота стекала по его лбу в бороду. — Они используют кескальт, такой же, как у инферналов.

Майя подошла, осторожно держа в руках небольшой кинжал. — Это не общеизвестно. — Сказала она Сефуру. — Я не знаю, что используют пикси, но о кескальте не говорят за пределами анклава.

Мужчина заметно вспотел.

— Хорошо, — Сефур сделал несколько шагов в сторону, к задней комнате. — Я только взгляну.

— Я не буду помогать проклятым демисам! — Кузнец, наконец, сломался. — Я просто... ценю их мастерство. Мои парни работают в шахтах. Они продают мне неходовую руду с большой скидкой. Я не помогаю им, клянусь старшими богами.

— Вот в это, — широко ухмыльнулся Сефур, — я верю. И с этим мнением я тоже согласен. Вот что, старик, поскольку город у нас маленький, мы сохраним твой секрет. Но давай посмотрим на твои личные запасы.

Пока мы с Майей шли за ним в заднюю комнату, я заново оценивал Сефура. У него был дар давить на людей. Заставлять их чувствовать себя неловко и подталкивать к тому, чтобы они раскрыли то, о чем в противном случае и не подумали бы, сохраняя при этом безупречную вежливость. Если подумать, возможно, именно потому, что он был чрезвычайно вежлив, он мог так сильно давить. Возможно, это то, что стоило бы перенять в будущем. Я отложил это на потом.

В кузнице было много обычных мечей, которые, как я предполагал, хранились в арсеналах стражи, но на стенах висело довольно большое количество оружия, признанного мной классическим оружием полулюдей. Похоже, мужчина особенно любил гномье оружие: у него было около полудюжины разнообразных топоров и молотов. Кузнец нервничал. Мне пришло в голову, что, скорее всего, он впервые демонстрирует этот аспект своей работы. Майя подошла к одной стороне, Сефур — к другой.

Сефур снял со стены небольшой кинжал из лоухила и усмехнулся. — Именно то, что я надеялся найти.

Я шагнул рядом с ним. — Оружие?

— Не только это, — сказал Сефур, указывая на диагональную прорезь возле крестовины. — Это настоящий гномий меч — мечелом.

— На самом деле это скорее ловец мечей, — сказал кузнец. — То, что меч на самом деле ломает, это что-то вроде неправильного термина.

— Расскажи это моей последней сабле, — с горечью сказал Сефур, — Она была неправильно названа и разлетелась на мелкие кусочки.

Кузнец фыркнул. — Это больше говорит о мастерстве, чем о мечеломе.

Я взял из рук Сефура кинжал и повертел его в руке. Он оказался на удивление увесистым, толще, чем большинство кинжалов. Его конструкция сразу бросалась в глаза. Это был не тот предмет, которым можно было активно парировать; это привело бы к смерти. Скорее, если меч упирался в землю или противник терял равновесие, можно было эффективно захватить его меч и создать брешь.

В памяти всплыли воспоминания о битве с Барионом, в частности, момент, когда он пронзил меня своей рапирой. Я проделал нечто подобное со своим собственным телом. Конечно, мне повезло, Майя была рядом, но если бы оружие, которое использовал Барион, было хоть сколько-нибудь похожим на это, я мог бы даже не вернуться в подвал, чтобы она смогла меня вылечить. При этой мысли меня пробрала дрожь, и я посмотрел на кинжал в своих руках. Да. Это была гораздо лучшая альтернатива.

— Мне это нравится. — Решил я. — Меч тоже. Что скажешь? — спросил я Сефура.

— Я думаю, они оба практичны. Они не привлекут внимания — большинство людей на расстоянии примут их за железо, а ты получишь меч, который лишь немного слабее вознесенной стали. К тому же, я хочу один из этих мечей, — Сефур упрямо подчеркнул это слово, — для себя. Мы оба должны получить по одному. Во-первых, они потрясающие. Во-вторых, тебе уже давно нужно хорошее запасное оружие.

В этом он был прав. Я подумал о том, сколько раз до этого момента у меня выбивали меч.

— Мы возьмем их. — Но кузнеца уже не было рядом с нами. Он подошел к Майе, которая держала черный посох.

— Я никогда раньше не видела, чтобы в оружии использовалось столько кескальта, — с благоговением сказала Майя, осторожно держа деревянный посох. Он был меньше, чем тот грубый посох, который мы ей сделали, всего около трех футов в длину. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это не просто дерево. В носовой части были длинные отрезки блестящего темного металла. Ближайшим аналогом, с которым я мог бы сравнить его, была почерневшая бронза.

— Да. Это моя гордость и радость. Инфернальные мечи, как известно, трудно сделать правильно, — размышлял кузнец, — Слишком сложно было найти форму для изготовления одного. Поэтому я сделал этот. Он не сильно отличается от воинских шестов, только вместо стальной основы я использовал кескальт. И это еще не самое лучшее. — Он взял у нее посох, взял его за середину и повернул. Посох распался, образовав две небольшие дубинки.

— Удивительно. Еретично, но удивительно. Такое оружие моя семья никогда не смогла бы себе позволить. — Сказала Майя. Казалось, ее слова смутили кузнеца. — Ну, да. Кескальт, как известно, стоит дорого, и многие не стали бы платить много за оружие, которое ассоциируется с полулюдьми. Хотя не уверен насчет еретического. — Он посмотрел на нее, рассматривая ее маску, перевязанные руки.

— Мы возьмем его, — быстро сказал я. — Это, гномий меч и два мечелома.

Кузнец моргнул. — Я не могу продать эти вещи, молодой господин. Это больше искусство, чем оружие. И что скажут люди?

— Кэрн, не надо, — шипела Майя.

— Не могу возразить, — сказал Сефур, — это прекрасное оружие, кузнец. Хотя я не уверен, что смогу заплатить столько, сколько ты, вероятно, попросишь за оружие. — Сказал Сефур, опытно перебрасывая меч-ломатель из одной руки в другую.

— Конечно, можем. — Сказал я. Лицо кузнеца приняло страдальческий вид. Но никогда нельзя недооценивать эффективность жадности. Я медленно поднял свой кошель и звякнул им, отчего тяжелые прутья внутри дружно зазвенели. Он посмотрел на всех нас и вздохнул.

Немного поторговавшись и пообещав не называть его имени, мы оставили кузнецу на один золотой прут меньше. Конечно, это была немалая цена, но оружие явно что-то значило для этого человека, а моя мать рано внушила мне, что за искусство нельзя недоплачивать.

В моей походке чувствовалась легкость. Покупки всегда были для меня чем-то вроде успокоительного. Независимо от ситуации или денежной стоимости товара, заключение выгодной сделки и уход с чем-то новым всегда поднимали мне настроение. Майя, однако, оставалась позади нас до конца дня, молчаливая и необщительная. Какая-то часть меня расстроилась из-за этого. Я думал, что она, наконец, снова стала ко мне тепло относиться, но это было временно.

Прошло еще несколько часов. Мы убедились, что за лошадьми ухаживают должным образом, и приготовились к отъезду. Мой гардероб наконец-то обновился, и одежда была вполне пригодной, на ступеньку выше барионских одеяний, хотя и значительно менее гламурной, чем мои обычные наряды. Я купил темный плащ, такой же как у Сефура.

Но самым удачным приобретением стала пара сапог у сапожника. Я надел их, и мои глаза чуть не закатились обратно в голову.

Стельки. У них были стельки.

Кто бы ни был тот монстр, который решил, что дворяне должны носить только изящную обувь на тонкой подошве, он заслуживал быть вытащенным на улицу и забитым огромной палкой. Зашнуровал сапоги, затем встал и экспериментально покачался в них туда-сюда. С моих губ сорвался небольшой стон. Это было как стоять на облаках. Я никогда не сниму их. Никогда.

Поскольку я явно доставлял сапожнику неудобства, то заплатил ему, и мы отправились обратно в особняк герцога. Покупки заняли больше времени, чем ожидалось. Я выгрузил свои новые покупки на пол и растянулся на кровати, наслаждаясь роскошью матраса.

В дверь постучали.

Открыв ее, я обнаружил Майю. Она стояла неловко, держа посох в одной руке, а другой обмотав хвост вокруг запястья. Ее лицо было напряжено.

— Нам нужно поговорить, — сказала она.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2355521>